

УДК 821.161.1-14+821.512,122-14+82'282
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-86-91

ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗ РОДНОЙ ЗЕМЛИ В КАЗАХСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

© Нина Барковская

HYBRID IDENTITY AND THE IMAGE OF THE NATIVE LAND IN KAZAKHSTAN RUSSIAN LANGUAGE POETRY

Nina Barkovskaya

The article is devoted to the problem of the world image in the poetry of modern Kazakhstan Russian-speaking poets. This problem is closely related to the authors' self-identity. The Russian language is chosen by authors of various ethnicities: Russians, Kazakhs and Poles. Kazakhstan has historically developed as a multi-ethnic region; in post-Soviet times, Russian is largely preserved as a language of interethnic communication. The article identifies and analyses the following components that make up the hybrid identity of Russian-speaking authors: their memory of ethnic roots, sociocultural identity, regional identity and civic identity. It is shown that such features as transborderness and transculturation, characteristic of the "nomadic" subject of modern poetry, fully correspond to the type of nomadic culture that has long been established on the territory of the Great Steppe. Hybrid identity in the poetry of Kazakhstan Russian-speaking authors determines its polysubjectivity, interaction of voices and dialogue among speech zones of different subjects, giving rise to the effect of the lyrical poetry "romanization", which affects the prosaization of the verse form. Of the genre varieties, the most characteristic one is the form of poetic conversation. A striking feature of this poetry is the lyrical hero's self-irony and the active use of intertextuality. Different components found in the authors' inner self does not as much create a conflict situation as it allows them to avoid thinking in rigid binary oppositions, without removing a critical view of both today's Kazakhstan and Russia.

Keywords: Russian-language poetry, nomadic subject, ethnic and cultural identity, lyrical polysubjectivity, Pavel Bannikov, Yuri Serebryansky

Статья посвящена проблеме образа мира в поэзии современных русскоязычных поэтов Казахстана. Данная проблема тесно связана с самоидентичностью авторов. Русский язык избирают авторы различной этнической принадлежности: русские, казахи, поляки. Казахстан исторически складывался как полиэтнический регион, в постсоветское время русский во многом сохраняется как язык межнационального общения. В статье выделены и проанализированы следующие компоненты, составляющие гибридную идентичность русскоязычных авторов: память об этнических корнях, социокультурная идентичность, региональная идентичность, гражданская идентичность. Показано, что такие черты, как трансграничность, транскulturация, свойственные «номадическому» субъекту новейшей поэзии, вполне отвечают типу кочевнической культуры, издавна сложившейся на территории Великой Степи. Гибридная идентичность в поэзии русскоязычных авторов Казахстана обуславливает полисубъектность, взаимодействие голосов, диалог речевых зон разных субъектов, порождая эффект «романизации» лирики, что сказывается и на прозаизации стиховой формы. Из жанровых разновидностей наиболее характерной оказывается форма стихотворного разговора. Яркой особенностью данной поэзии является самоирония лирического героя и активное использование интертекстуальности. Наличие разных компонентов во внутреннем самощущении авторов не столько создает конфликтную ситуацию, сколько позволяет избежать мышления жесткими бинарными оппозициями, не снимая критического взгляда как на сегодняшний Казахстан, так и Россию.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия, номадический субъект, этническая идентичность, культурная идентичность, лирическая полисубъектность, Павел Банников, Юрий Серебрянский

Для цитирования: Барковская Н. Гибридная идентичность и образ родной земли в казахстанской русскоязычной поэзии // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 86–91. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-86-91

Казахстан – полиэтническая страна. После 1991 г. доля русских сократилась с 37,8 до 19,3%, русский язык утратил привилегированное положение, ныне казахи составляют 71% населения. Однако сегодня по-прежнему активно развивается русскоязычная поэзия, особенно в Алматы, самом космополитичном городе Казахстана. На это есть свои исторические причины – именно здесь оказывались поселенцы, становившиеся потом культовыми фигурами места, приносившие с собой традиции модернизма и авангарда начала XX в. Таков, например, описанный Юрием Домбровским в романе «Факультет ненужных вещей» Сергей Иванович Калмыков, художник, ученик Добужинского и Петрова-Водкина, чей метод называют «фантастическим экспрессионизмом». Художник Павел Зальцман, ученик Павла Филонова в живописи и Д. Хармса в поэзии, прожил в Алма-Ате 43 года, став заслуженным деятелем искусств Казахстана.

Среди авторов, пишущих по-русски, есть этнические казахи (Канат Омар, Ануар Дуйсенбинов, Айгерим Тажи), поляк Юрий Серебрянский, этнические русские (Павел Банников, Иван Полторацкий и другие). Павел Банников отмечает: «Русскоязычный автор в Казахстане постоянно находится между разных культур, и хорошо, если только двух, он вынужден постоянно отвечать на вопросы: „кто я и где я нахожусь? через какие ориентиры я определяю себя как человека пишущего? определяю ли я себя вообще таковым образом?“» [1].

Русофонных поэтов объединяют и общие особенности.

1. Транскультурность. Сознвая свою гибридную идентичность, они стремятся использовать разные языковые и культурные традиции, демонстрируя открытость сознания, свободу индивидуального выбора. Большая часть авторов живет в Алматы, что формирует особую социокультурную – городскую – идентичность у жителей мегаполиса [2]. Современные поэты Казахстана много ездят по миру, участвуют в фестивалях и издательских проектах, они интегрированы в мировое поэтическое сообщество, в чем можно усмотреть их культурную трансграничность.

Приведем пример. Юрий Серебрянский написал «Казахстанские сказки», эта двуязычная книга издана в 2017 г. Сказки авторские, сам Серебрянский так объясняет жанр: «Тексты и иллюстрации не используют образы казахского фольклора. Это невозможно – конкурировать с казахским фольклором, я его люблю за глубину и мудрость, но никаких потуг на то, чтобы создать что-то альтернативное, нет. Это сказки мои,

авторские. Почему „казахстанские“? Я в третьем поколении казахстанец, я вырос здесь. И в какой-то момент я подумал, что какие же сказки мои: русские – далеко, польские – да, конечно, но они там, а я здесь, казахские – тоже не мои. И вот решил написать свои сказки. Для таких же, как я» [3].

2. При этом русскоязычные авторы ощущают своей родиной именно Казахстан, Великую Степь, что можно назвать региональной идентичностью. К этим поэтам подходит определение «люди степи», сформулированное Ю. М. Лотманом в работе «Художественное пространство Гоголя» [4, с. 656].

Юрий Серебрянский на вопрос, какое место он мог бы назвать своим сакральным домом, отвечает: «Это Казахстан, где все понятно, где все совершенно очевидно. Но больше всего мне здесь важна дорога и казахстанские расстояния – степь, я себя чувствую дома, когда еду долго в машине по степи... <...> Запах степи мне очень нужен. Первое, что я делаю, когда возвращаюсь в Казахстан, сажусь в машину и еду куда-нибудь за город, просто подышать, выйти и постоять... В разговоре о моей идентичности может прозвучать слово „космополит“, имеющее отношение в греческом языке к слову „космос“: но мне ближе понятие кочевник, потому что кочевник тоже перемещается, но перемещается по земле со всеми запахами, медленно и ощущая все неровности ландшафта» [5].

Наталья Фатеева указывает, что понятие «номадический субъект» стало широко использоваться благодаря работе «Путем номадизма» Розы Брайдотти и концепции «номадического мышления» Жюль Делеза. Фатеева пишет: «...латинский термин „номадизм“, буквально означающий „кочевничество“, в переносном значении был применен к новой форме субъектности, построенной на множественности различий и отсутствии иерархии, а также снятии системы четких оппозиций. Такая конфигурация отражает стремление к идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат...» [6, с. 117].

Марат Гинатуллин полагает, что кочевание, будучи залогом выживания, выработало у казахов особое ощущение земли, ее зеленого покрова, запахов трав [7, с. 121]. Он же пишет, что тысячелетиями Великая Степь была не только источником существования, но и воплощением духовного мира казахов [Там же, с. 59].

3. Отчетливо присутствует и гражданская идентичность. Русскоязычные поэты, ощущая себя гражданами Казахстана, способны

смотреть на жизнь глазами казахского народа и, шире, с позиции жителей Центральной Азии, некогда входивших в Советский Союз, но не порывающих связь с Россией и поныне.

Гибридная идентичность проявляется прежде всего в особенностях субъектной организации – лирической полифонии, смешении точек зрения лирического героя, героя ролевой лирики, некоего безымянного субъекта. Однако нельзя однозначно назвать это самоэкзотизацией.

Последняя книга стихов Павла Банникова называется «На языке шавермы». Тут наблюдается особое многообразие игры субъектными голосами и точками зрения. Один из циклов, входящих в книгу, назван по имени героя: «Говорит Кенжебай», то есть субъект речи – ролевой герой, казах, живущий в Москве, обращающийся к любимой женщине. Рефреном звучат слова: *«в этой вашей настолько большой стране / живущей настолько разными жизнями / что китаец мне милей, чем вологжанин»* [8, с. 27] (варианты: *«чухонец мне милее камызяка»*, *«кореец мне понятнее калмыка»* и тому подобное). Однако последнее, пятое стихотворение, названное «В дурном обществе» (с отсылкой к Короленко), кончается словами:

«Помни, что
жизнь не жестче,
она гибче
смерти» [Там же, с. 34].

В книге есть стихотворение полисубъектное и при этом безликое (в духе «докупоззии») – перечень объявлений от разных лиц, желающих найти жилье в Москве: некто Саша хотел бы снять квартиру у русских, Давид – у армян, Алесь у белорусов, из разных голосов моделируется своеобразный «хоровой» субъект, да и сами эти субъекты – материал для авторской игры.

Финал текста констатирует общую тесноту, зажатость, вынужденное сожительство:

«россия наше отечество
азия наше матчество
кухня тесна
смерть неизбежна» [Там же, с. 67].

Можно предположить, что здесь иронически переигрывается и без того ироничный эпиграф к роману Набокова «Дар»: *«Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть неизбежна»* (текст упражнения из «Учебника русской грамматики для младших классов средних учебных заведений» П. В. Смирновского). По мнению

Е. И. Ляпушкиной, пятый пример в эпиграфе вводит лирическую тему, а роман показывает, как работает тот единственный способ не дать ничему умереть, который прозвевает Федор Константинович» [9, с. 210].

Но в стихотворении Банникова именно песимистический смысл доминирует: нет простора для творчества, нет благословенного «дара» и быть его не может в тесной кухне коммуналки – так метафорически обозначено ограниченное жизненное пространство трудовых мигрантов из Азии.

В разделе «На языке шавермы» часть стихотворений написаны от лица лирического героя, говорящего тем не менее на языке шавермы. Возникают сложные отношения нераздельности-неслиянности сознания ролевого героя (Кенжебая) и собственно лирического героя, пусть этнически русского, но приехавшего в Москву из Центральной Азии. Так происходит в стихотворении «черная пятница в Новогиреево» [8, с. 69–71].

Метрополия и бывшие национальные окраины продолжают тесно сосуществовать, тая скрытые противоречия, потенциальные точки взрывов и конфликтов. И только теплый ветер из метро – ветер подземных кочевий – везде одинаков, *«в ташкенте, москве или риме, стирающий всякие координаты ветер, чужой и домашний, не знающий границ ветер»* [Там же, с. 70–71].

Велика роль с а м о и р о н и и в размышлениях лирического героя в поэзии казахстанских русскоязычных авторов. Ирония по отношению к самому себе и своему творению позволяет занять позицию внаходимости, дистанцироваться, а значит, сделать свое «я» предметом рефлексии.

Внутренний диалогизм поэтического слова рассмотрим на примере двух стихотворений Павла Банникова: «Немного русских в холодной воде озера Комо» [Там же, с. 14–15] и «Немного русских в холодной воде Иссык-Куля» [Там же, с. 60–61]. Кто эти немногие русские?

Стихотворения разнесены по разным разделам книги, образуя одну из композиционных «арок», скрепляющих структуру целого. Они перекликаются (одно из проявлений диалогизма) не только по названию, но и по ситуации и некоторым особенностям стиховой формы. Оба озера горные, с холодной водой, традиционные туристические места. Лирический субъект на берегу озера не только констатирует холод, но делает некое отступление (экскурс) в прошлое. В первом стихотворении, когда *«турин / и милан взяты без боя без комиссий в банкоматах / и в целом без трат»*, вспоминается переход Суворова через Альпы и представляется картина: фельд-

маршал умывается водой Комо и приказывает всем своим солдатам закаляться, по приказу *«тысяча шестьсот душ погружается в комо столько / жизни еще никогда одновременно не входило в эти воды / и уже не войдет»*. Теперь на пляжах лишь одинокие купальщики, которые начинают понимать *«суровый нрав этого края этого рая холодный взгляд / лебедей и уток заискивающие поклоны»*. Во втором стихотворении упоминается Пржевальский, что похоронен на берегу озера: *«географ империи давший недолгое имя тому городу что меняет ныне / лишь кипятки в источниках да кривой фристайл на тенге и рубли»*. Похожи ритмически концовки обоих стихотворений, сильно отличающиеся от интонации и ритма основного текста – после предельно прозаизированного текста финал звучит с интонацией песни: в первом тексте созвучные дактилические окончания, синтаксический параллелизм, интонационно завершенные все три строки (на фоне бесконечных анжамбеман), уменьшительная форма слова *«уточка»*, разговорное *«проливни»* создают фольклорный эффект, который, правда, разбивается указанием на опасность:

«вот скользят за уточками селезни
вот идут полосой проливни
осторожно возможны оползни» [Там же, с. 15].

Концовка второго стихотворения звучит походной песней (друзья собираются плыть на лодке), одинаковые мужские рифмы четко отбивают конец строки:

«пока плещется водка в походной фляге твоей
говори со мной на языке кузнечиков пей
это озеро что сегодня прозрачнее теплых морей»
[Там же, с. 61].

Однако есть принципиальное различие в субъектной организации. В стихотворении про озеро Комо субъектом выступает некое недифференцированное «мы» русских туристов. Во втором стихотворении, по сути, передан разговор двух лиц, хотя реально звучит только голос «я», но он повторяет реплики друга (Бахтин специально отмечает такой случай двуглового слова: «Мы чувствуем, что это беседа, хотя говорит только один, и беседа напряженнейшая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывая вне себя, за свои пределы...» [23, с. 229].

«<...>
киргизы чокают казахи шепелявят

кажется так ты говоришь дос (*друг*, перевод с казахск. – Н. Б.)

так и быть наливай свой чай (*чай*, перевод с киргизск. – Н. Б.)

хотя я предпочел бы окрепший шай (*чай*, перевод с казахск. – Н. Б.)

Но еще есть шепеки (казахск. *пресная лепешка*. – Н. Б.) и водка и мясо

и далеко до исчезновения чолпон (*Венера*. – Н. Б.) с небосвода <...>» [20, с. 60].

Особенности лексики и фонетики позволяют атрибутировать лирическое «я» как казаха, его собеседник – киргиз, это народы с близкими языками, вполне понимающие друг друга.

Но есть еще проявления диалогизма: первая строчка стихотворения (*«в европе холодно в Италии темно»*) является прямой цитатой из стихотворения Мандельштама «Ариост», знаменитом своей второй строкой. Упоминание «языка кузнечиков» в конце стихотворения тоже не только указывает на приметную степную природу и «чоканье» киргизов, но и на образный строй стихотворения Мандельштама. Таким образом, разговаривающие хорошо осведомлены в русской поэзии. Другой момент: лирический герой спрашивает, как могли назвать такое холодное озеро *«горячим»*, и каламбурит со словом *«ключи»* как носитель русского языка:

«скажи брат как можно было назвать это озеро теплым я все

понимаю зимой не пройти по нему не устроить катаний и все же

брат ысык это наше ыстык, то есть вообще горячо
ключи говоришь хорошо дверь закрою своим ключом»

Название стихотворения иронично напоминает о романе Франсуазы Саган «Немного солнца в холодной воде», а это название, в свою очередь, заимствует слова из стихотворения Поля Элюара: *«И я вижу ее, и теряю ее, и скорблю, / И скорбь моя подобна солнцу в холодной воде»* («Моей сестре»).

Таким образом, на что указывает и заголовок стихотворения, перед нами двое этнических русских, но один живет в Киргизии, другой в Казахстане. Берег Иссык-Куля для них играет роль контактной зоны. И завершает стихотворение утверждение права на свою землю: *«у меня нет другой земли у тебя нет другой земли»*.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. Гибридная идентичность русскоязычных поэтов Казахстана включает в себя память об этнических корнях, гражданскую идентичность авторов как разделяющих проблемы современного казахского общества, социо-

культурную идентичность жителей мегаполиса с присущей ей установкой на транскulturацию [24], а также региональную идентичность, живое чувство привязанности к родной земле. Выбор русского языка в качестве языка поэзии сохраняет память и об истории своей собственной семьи, и об истории советского периода, и об истории русской поэзии.

Вместе с тем русский язык, во-первых, может сочетаться с использованием казахского языка, во-вторых, это русский язык жителей Казахстана, русский с «казахским акцентом». Гибридная идентичность обуславливает взаимодействие разных голосов, порождая эффект «романизации» лирики, что сказывается и на прозаизации стиховой формы. Из жанровых разновидностей наиболее характерной оказывается форма «разговора», причем «голос» собеседника («чужое слово») внедрен в речевую зону лирического субъекта, еще более расслаивая ее. Д. М. Магомедова называет такую форму «неканоническим гибридным прозаизированным лирическим жанром», осваивающим первичный (речевой) жанр [25, с. 17–18].

На сегодняшний день интегрирующей основой всей многосоставной идентичности является, как кажется, именно чувство принадлежности русскоязычных поэтов к сегодняшней судьбе Казахстана. Поэтому точнее называть этот поэтический феномен «казахстанская русскоязычная поэзия». Гибридный («номадический») субъект вполне вписывается в исконную казахскую культуру кочевничества («трансграничности»), при этом наличие разных компонентов во внутреннем самоощущении авторов не столько создает конфликтную ситуацию, сколько позволяет избежать мышления жесткими бинарными оппозициями.

Список источников

1. Банников П. Литература ad marginem // Новый мир. 2015. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/12/literatura-ad-marginem.html. (дата обращения: 10.11.2023).
2. Кузьмина Н.В. Формирование социокультурной идентичности в межкультурной среде // Вестник МГУУ. 2015. № 4. С. 73–76.
3. Серебрянский Ю. Нам нужно, чтобы признание наших талантов приходило со стороны // Интернет-газета ZONAKz 04.04.2017 14:00. URL: <https://zonakz.net/2017/04/04/jurijj-serebrjanskijj-nam-nuzhno-chtoby-priznanie-k-nashim-talantam-prikhodilo-so-storony/> (дата обращения: 10.12.2023).
4. Цифровой кочевник: Юрий Серебрянский о языковой идентичности, маршрутах жизни и прозы, литературной учебе и месте казахстанской литературы. Беседовал Владимир Коркунов // Волга. 2023.

№ 7. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2023/7/czifrovoj-kochevnik.html> (дата обращения: 13.04.2024).

5. Лотман Ю. М. О русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1997. 845 с.
6. Фатеева Н. К проблеме «номадического субъекта» в современной поэзии // Субъект в новейшей русской поэзии – теория и практика. Ред.-сост. Х. Шталь, Е. Евграшкина. Берлин: Peter Lang GmbH, 2018. С. 117–127.
7. Гинатуллин М. Земля и небо Жетысу: Лингвокраеведческий словарь. Алматы: Раритет, 2010. 336 с.
8. Банников П. На языке шавермы. Алматы: Дактил, 2023. 80 с.
9. Ляпушкина Е. И. «Карусель истины» (смысл эпиграфа в романе В. В. Набокова «Дар») // Русская литература. 2020. № 1. С. 205–210. URL: <http://ras.jes.su/rusliter/s013160950008891-4-1> (дата обращения: 31.01.2024).
10. Глостанова М. Транскulturация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник РУДН, серия Философия. 2006. № 2 (12). С. 5–16.
11. Магомедова Д. М. и др. Поэтика литературных жанров: Проблемы типологии и генезиса / Под ред. Д. М. Магомедовой, В. В. Савелова. М.: РГГУ, 2019. 360 с.

References

1. Bannikov, P. (2015). *Literatura ad marginem* [Literature Ad Marginem]. Novyi mir. No. 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/12/literatura-ad-marginem.html (accessed: 10.11.2023). (In Russian)
2. Kuz'mina, N. V. (2015) *Formirovanie sociokul'turnoi identichnosti v mezhkul'turnoi srede* [Formation of Sociocultural Identity in an Intercultural Environment]. Vestnik MGUU. No. 4, pp. 73–76. (In Russian)
3. Serebryanskii, Yu. (2017). *Nam nuzhno, chtoby priznanie nashikh talantov prikhodilo so storony* [We Need Recognition of Our Talents to Come from Outside]. Internet-gazeta ZONAKz 04.04.2017 14:00. <https://zonakz.net/2017/04/04/jurijj-serebrjanskijj-nam-nuzhno-chtoby-priznanie-k-nashim-talantam-prikhodilo-so-storony/> (accessed: 10.12.2023). (In Russian)
4. *Tsifrovoi kochevnik: Jurii Serebryanskii o yazykovoii identichnosti, marshrutakh zhizni i prozy, literaturnoi uchebe i meste kazahstanskoi literatury. Besedoval Vladimir Korkunov* (2023) [A Digital Nomad: Yuri Serebryansky about Linguistic Identity, Routes of Life and Prose, Literary Studies and the Place of Kazakh Literature. Interviewed by Vladimir Korkunov]. Volga. No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2023/7/czifrovoj-kochevnik.html> (accessed: 13.04.2024). (In Russian)
5. Lotman, Yu. M. (1997). *O russkoi kul'ture* [About Russian Culture]. 845 p. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. (In Russian)
6. Fateeva, N. (2018). *K probleme "nomadicheskogo sub"ekta" v sovremennoi poezii* [On the Problem of the "Nomadic Subject" in Modern Poetry].

Red.-sost. H. Stahl, E. Evgrashkina. Pp. 117–127. Berlin, Peter Lang GmbH. (In Russian)

7. Ginatullin, M. (2010). *Zemlya i nebo Zhetysu: Lingvokraevedcheskii slovar'* [The Earth and Sky of Zhetysu: A Linguistic Dictionary of Regional Studies]. 336 p. Almaty, Raritet. (In Russian)

8. Bannikov, P. (2023). *Na yazyke shavermi* [In the Language of Shawarma]. 80 p. Almaty, Daktil'. (In Russian)

9. Lyapushkina, E. I. (2020). "Karusel' istiny" (smysl epigrafa v romane V. V. Nabokova "Dar") ["The Carousel of Truth" (the meaning of the epigraph in V. V. Nabokov's novel "The Gift")]. *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 205–210.

URL: <http://ras.jes.su/rusliter/s013160950008891-4-1> (accessed: 31.01.2024). (In Russian)

10. Tlostanova, M. (2006). *Transkul'turatsiya kak novaya epistema epokhi globalizatsii* [Transculturation as a New Episteme of Globalization Epoch]. *Vestnik RUDN, seriya Filosofiya*. No. 2 (12), pp. 5–16. (In Russian)

11. Magomedova, D. M. et al. (2019). *Poetika literaturnykh zhanrov: Problemy tipologii i genezisa* [Poetics of Literary Genres: Problems of Typology and Genesis]. Ed. D. M. Magomedova, V. V. Savelov. 360 p. Moscow, RGGU. (In Russian)

The article was submitted on 16.05.2024

Поступила в редакцию 16.05.2024

Барковская Нина Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и методики
ее преподавания,
Уральский государственный педагогический
университет,
620091, Россия, Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26.
barkovskaya@list.ru

Barkovskaya Nina Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Literature and
Methods of Its Teaching,
Ural State Pedagogical University,
26 Kosmonavtov Ave.,
Ekaterinburg, 620091, Russian Federation.
barkovskaya@list.ru